
DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-064-068

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ 1912 г. КАК ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА МОНГОЛИИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

© 2023

Б. Х. Кушхов¹

Исследование посвящено проблеме интерпретации договора между Российской империей и Монголией 1912 г., а также оценке его действительного исторического значения. Автор приходит к выводу о международном характере данного договора, свидетельствующего о полноценной государственной правосубъектности правительства Богдо-гэгэна. В частности, факт его подписания делает возможным говорить о Монголии образца 1912 г. как о суверенном государстве в силу господствовавшей в то время декларативной теории государственности. Помимо этого, данное соглашение, в котором одной из сторон выступает Российская империя, является свидетельством признания монгольского правительства де-факто. Участие монгольских органов власти, а не представителей китайской администрации в Монголии в качестве второй стороны, в свою очередь, также подкрепляет тезис о наличии фактического признания Монголии суверенным государством со стороны Российской империи. Имеющиеся расхождения в монгольском и русском текстах договора 1912 г. в представлении автора позволяют интерпретировать оба текста в качестве имеющих равную юридическую силу. Следовательно, формулировка понятия «суверенитет» из монгольского текста не перекрывается термином «автономия» в русском. Делается вывод о ключевой роли соглашения 1912 г. в предотвращении «ханьской» колонизации Монголии, которая могла бы в конечном счете поставить под вопрос не только монгольскую государственность или даже автономию, но и саму этническую идентичность монголов. На основании вывода о повышении международного статуса Монголии по результатам соглашения 1912 г. автор выдвигает тезис о его соответствии по исторической значимости Советско-Монгольскому договору 1921 г., который, в силу советских историографических традиций, признается современными специалистами более важным этапом на пути Монголии к достижению международного признания. В частности, акт признания Монголии Советским правительством в 1921 г. несопоставим с таковым со стороны Российской империи в силу ограниченного признания самой Советской России в этот исторический период.

Ключевые слова: Советская Россия, Монголия, Богдо-гэгэн, международные отношения, международное право, политика

Для цитирования: Кушхов Б. Х. Историческое значение Соглашения 1912 г. как первого международного договора Монголии в современную эпоху. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 1. С. 64–68. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-064-068

¹ Кушхов Борис Хабижевич, бакалавр, лаборант-исследователь Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; boris.kushkhov@yandex.ru

Boris Kh. Kushkhov, bachelor, laboratory researcher of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; boris.kushkhov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5976-7749

HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE AGREEMENT OF 1912 AS THE FIRST INTERNATIONAL TREATY OF MONGOLIA IN THE MODERN ERA

Boris Kh. Kushkhov

The study is devoted to the problem of interpreting the treaty between the Russian Empire and Mongolia in 1912, as well as assessing its actual historical significance. The author comes to the conclusion about the international nature of this agreement, which testifies to the full-fledged state legal personality of the government of Bogdo-Gegen in Mongolia. In particular, the fact of its signing makes it possible to assert that Mongolia of the 1912 model is a sovereign state due to the declarative theory of statehood that prevailed at that time. In addition, this agreement, in which the Russian Empire acts as one of the parties, is evidence of the de facto recognition of the Mongolian government. The participation of the Mongolian authorities, and not the representatives of the Chinese administration in Mongolia as the second side, in turn, also reinforces the thesis that there is an actual recognition of Mongolia as a sovereign state by the Russian Empire. The existing discrepancies in the Mongolian and Russian texts of the 1912 treaty, in the opinion of the author, allow us to interpret both texts as having equal legal force: therefore, the wording of the concept of «sovereignty» from the Mongolian text is not overlapped by the term «autonomy» in Russian. The conclusion is made about the key role of the 1912 agreement in preventing the «Han» colonization of Mongolia, which could ultimately call into question not only the Mongolian statehood or even autonomy, but also the very ethnic identity of the Mongols. Based on the conclusion about the increase in the international status of Mongolia based on the results of the 1912 agreement, the author puts forward the thesis that its historical significance corresponds to the Soviet-Mongolian agreement of 1921, which, due to Soviet historiographic traditions, is recognized by modern experts as a more important stage on Mongolia's path to achieving international recognition. In particular, the act of recognition of Mongolia by the Soviet government in 1921 is not comparable with that of the Russian Empire due to the limited recognition of Soviet Russia itself during this historical period.

Keywords: Soviet Russia, Mongolia, Bogdo-gegen, international relations, international law, politics

For citation: Kushkhov B. Kh. The historical significance of the 1912 Agreement as the first international treaty of Mongolia in the modern era. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 64–68. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-064-068

ВВЕДЕНИЕ

Соглашение 1912 г. неоправданно отошло на второй план в исследованиях, посвященных как монголо-русским отношениям, так и пути Монголии к достижению национальной независимости и международного признания. В связи с этим представляется необходимым подчеркнуть исключительную значимость договора 1912 г., уделив ему заслуженное научное внимание. В данной ситуации важно рассматривать его с двух разных исследовательских позиций: как в качестве юридического свидетельства национального суверенитета Монгольской теократической монархии, так и в качестве важного шага к достижению международного признания Монголии, не уступающего в своей важности договору РСФСР и Монголии 1921 г.

Итак, почему Российско-Монгольское соглашение 1912 г. может считаться свидетельством значительного повышения международного статуса Монголии? Ниже приводятся четыре основных пункта, объясняющих такую характеристику данного договора.

СОГЛАШЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Прежде всего, Соглашение с Россией 1912 г. можно считать демонстрацией фактического суверенитета Монголии в рамках доминирующей международно-правовой теории. Так, в соответствии с декларативной теорией государственности, официальное международное признание не является необходимым условием для достижения полноценной государственной правосубъектности [Ильяшевич, Хахина, 2014, с. 237]. Подобное видение национального суверенитета прослеживалось и в условиях Вестфальского мира, и, позднее, в конвенции Монтевидео 1933 г. [Гассиев, 2014, с. 94]. В соответствии с данной концепцией государство признается таковым при наличии территории, постоянного населения, дееспособных органов власти, обладающих возможностью ведения внутренней и внешней политики [Гассиев, 2014, с. 95]. Российско-Монгольское соглашение 1912 г. как раз показывает факт соответствия Монголии всем изложенным выше критериям.

ФАКТ ПЕРЕГОВОРОВ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИЗНАНИЯ ДЕ-ФАКТО

Самими переговорами Российской империи и правительства Богдо-гэгэна (а не посредничеством Российской империи во «внутрикитайском» урегулировании вопроса) признавалась международная правосубъектность Монголии — то есть ее суверенитета «де-факто». Современные представления о международном праве сводятся к тому, что ведение международных переговоров между двумя сторонами без специальных оговорок само по себе обозначает как минимум фактическое признание суверенитета партнера по диалогу [Ильяшевич, Хахина, 2014, с. 241].

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ НЕЗАВИСИМОСТЬ И АВТОНОМИЯ В ПОЛИТОЛОГИИ И ТЕКСТАХ ДОГОВОРА

Имеются логические и международно-правовые обоснования утверждать о наличии у Монголии в 1912 г. более самостоятельного статуса, нежели простой автономии. Переговоры 1911–1912 гг. велись с национальной властью — с правительством Богдо-гэгэна, а не с частью административно-политической системы Китая. Автономное образование не может заключать соглашения с иностранным государством, так как подобные полномочия всегда находятся в ведении центра. Если же автономия сумела заключить подобный договор, необходимо констатировать факт ее международной правосубъектности. Более того, правительство Богдо-гэгэна, с которым вела переговоры Россия, не было правительством автономии, утвержденным китайскими властями, а имело национальное происхождение, не связанное с политической системой империи [Батунаев, 2015, с. 70].

К косвенным доказательствам фактического суверенитета Монголии, связанным с соглашением 1912 г., можно отнести и проблему интерпретации русского и монгольского текстов данного договора. Если в русскоязычном варианте фиксируется «широкий автономный статус» Монголии, то в монгольском используется понятие «тусгаар тогтнол», которое может трактоваться шире — от «самостоятельного управления» до «независимости» [Дружественное соглашение о...]. Как это положено в международных договорах, оба текста имеют равную силу. Опыт отличия текстов соглашений на разных языках явственно прослеживается в международной практике рубежа XIX–XX вв. К примеру, в итальянском и амхарском текстах Уччальского договора 1889 г. права Италии в Эфиопии были сформулированы по-разному, и это не мешало

ни одной из сторон отстаивать свою точку зрения по данному вопросу. В итальянском тексте содержались условия, позволяющие делать вывод об ограниченности суверенитета эфиопского государства, в амхарском же тексте суверенитет Менелика Второго над своей страной позиционировался как безусловный [Морозов, 2015, с. 50]. Тем не менее в исторической литературе Эфиопия того времени обозначается в качестве самостоятельного государства, а не протектората или колонии.

Договоры 1912 и 1921 гг.: соотношение значимости

Соотношение значимости договоров 1912 и 1921 гг. и наличие прямой исторической связи между ними могут быть кратко сформулированы в следующих тезисах.

Во-первых, соглашение 1912 г. не допустило распространения «ассимиляционных» планов Китая, закрепив культурную и этническую автономию Монголии [Батбаяр, 2008, с. 53]. Можно говорить о том, что без соглашения 1912 г. договора 1921 г. могло бы и не быть — в силу реальной угрозы утраты идентичности монголов. Планы ускоренной китаизации «не ханских» владений Китая очень стремительно развивались со времен принятия так называемой «новой политики» династии Цин [Батунаев, 2015, с. 21]. Несмотря на имевшиеся в Китае внутривластные сложности, реализация колонизаторской и ассимиляционной политики во Внешней Монголии неминуемо увенчалась бы успехом без сопротивления, оказанного ей Монголией и Россией. Именно соглашение 1912 г. впервые зафиксировало недопустимость подобных мероприятий во Внешней Монголии. Также можно сделать вывод о том, что «международно-правовая» составляющая соглашения 1912 г. и его значение для достижения независимости Монголией не уступает таковым у договора 1921 г.: РСФСР признала независимость Монголии из-за изменения баланса сил в регионе в свою пользу, но уже в 1924 г. СССР заключит договор с центральным правительством Китая, в котором откажется от признания независимости Монголии, тем самым поставив под сомнение предыдущий советско-монгольский договор [Батунаев, 2015, с. 113]. Более того, на момент заключения договора 1921 г. сама РСФСР не обладала широким международным признанием и была признана только Афганистаном, Эстонией и Латвией. В этом плане договор 1921 г. с точки зрения международного права принципиально не отличается, например, от договора Монголии с Тибетом 1913 г., который поддерживал дипломатические отношения в том или ином виде с Китаем, Сиккимом и Великобританией [Кузьмин, 2015, с. 86]. Этот Тибето-Монгольский договор точно так же, как и Советско-Монгольское соглашение 1921 г., был актом взаимного признания и установления дипломатических отношений между двумя странами, еще не завоевавшими широкое международное признание.

Выводы

Таким образом, основные выводы исследования могут быть сформулированы следующим образом.

Соглашение 1912 г. можно считать свидетельством правосубъектности Монголии как де-факто суверенного государства. Об этом говорит и доминировавшая в начале XX века декларативная теория государственности, и факт признания Монголии Российской империей «де-факто» посредством ведения двусторонних переговоров с политической властью, не вписанной в административную систему Китая. Также это подтверждается и имевшей место на рубеже XIX–XX вв.

практикой отличий текста договоров на двух языках, при которой оба текста имеют одинаковое значение. Следовательно, монгольский текст с «независимостью» не уступает по силе русскому с «автономией».

Соглашение 1912 г. во многом сделало возможным заключение договора 1921 г. В частности, по его результатам была обеспечена национальная автономия Монголии, сделавшая невозможной культурно-языковую ассимиляцию.

Договор 1921 г. не привел к принципиальному изменению международно-правового статуса Монголии в сравнении с 1912 г. и был значительно переоценен исследователями XX в. Советская Россия пересмотрит условия своего признания монгольского правительства в Советско-Китайском договоре 1924 г. Более того, на момент признания Монголии со стороны РСФСР сама Советская республика не обладала широким международным признанием, что делает договор 1921 г. лишь вторым в списке внешних договоров Монголии с аналогичным статусом (а именно договоров двух ограниченно признанных государств).

Литература / References

Батбаяр Ц. Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилцаа [Международные отношения Монгольского государства периода Многими Возведенного]. Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академи Түүхийн хүррээлэн, 2008. 177 с. [Batbayar C. Olnoo Örgөгдсөн Mongol улсын гадаад харилцаа [Mezhdunarodnye otnosheniya Mongol'skogo gosudarstva perioda Mnogimi Vozvedennogo]. Ulaanbaatar: Mongol улсын SHinzhlekh uhaany akademi Түүхийн хүрреелен, 2008. 177 p. (in Mongolian)].

Батунаев Э. В. Борьба за независимость монгольского государства. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. 160 с. [Batunaev E. V. Struggle for the Independence of Mongolia. Ulan-Ude: BGU, 2015. 160 p. (in Russian)].

Гассиев М. В. Актуальность критериев Монтевидео для исследования института признания государств в международном праве. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2014. № 3. С. 93–96 [Gassiev M. V. The applicability of Montevideo Criteria for State Recognition Institution Studies in International Law. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 3. Pp. 93–96 (in Russian)].

Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии. 21 октября (3 ноября) 1912 г. АВПРИ. Ф. 163. Оп. 3. Д. 963. Подлинник. ЦНА. Ф. А-2. Оп. 1. Д. 104. Л. 1. Подлинник. ПСЗРИ. 3-е изд. № 38230. С. 1492–1495 [The friendly agreement of autonomous Mongolia's recognition by Russia on October 21. AVPRI. F. 163. Op. Z. D. 963. Original. CNA. F. A-2. Op. 1. D. 104. L. 1. Original. PSZRI. 3-e izd. № 38230. Pp. 1492–1495 (in Russian)].

Ильяшевич М. В., Хахина А. А. К вопросу о международно-правовом признании государств. *Вестник РУДН. Серия «Юридические науки»*. 2014. № 1. С. 236–244 [Ilyashevich M. V., Nahina A. A. To the Issue of International State Recognition. *Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. 2014. № 1. Pp. 236–244 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. Русско-Монгольское соглашение 1912 года и независимость Монголии. *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»*. 2015. № 1. С. 80–87 [Kuz'min S. L. The Agreement of 1912 between Mongolia and Russia and the independence of Mongolia. *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2015. № 1. Pp. 80–87 (in Russian)].

Морозов Е. В. Проблема заключения Уччиальского договора 1889 г. *Colloquium-Journal*. 2015. № 23–5 (47). С. 49–50 [Morozov E. V. Problems of Crafting of the Treaty of Uccialli 1889. *Colloquium-Journal*. 2015. № 23–5 (47). Pp. 49–50 (in Russian)].